

ДЕСЯТИЛЕТИЕ ДЕТСТВА

*Иван Сабило*¹

Я САМ СЕБЕ ГОСУДАРСТВО

Исповедь есть признание и покаяние, но не месть.

А. Зиновьев

Я никогда не думал, что факты моей личной жизни могут для кого-то представлять интерес, кроме разве что советских карательных органов и лиц, желающих причинить мне зло.

А. Зиновьев

Александр Александрович Зиновьев был ровесником Союза Советских Социалистических Республик. Прожил на 15 лет дольше.

1922 год. Только что Россию потрясли небывалые по разрушительным силам события — Первая мировая, революция, военное поражение белых армий в 5-летней Гражданской войне, красный террор. Разорённая, униженная «похабным» Брестским миром страна задумалась, как быть и что делать. Её главные руководители В. Ленин и Л. Троцкий совершили свою роковую ошибку — объявили борьбу с «внутренними врагами», в число которых поголовно записали дворян и царских офицеров, помещиков и священников. Одних выслали, других сажали, третьих расстреливали. По различным данным из России после революции выехало на постоянное место жительства в другие страны от 2-х до 5-ти млн человек. Это спасло многих из них от гибели. Уезжая, они за-

¹ **Сабилло Иван Иванович** — лауреат первой Интеллектуальной премии им. А. Зиновьева 2021 г. в номинации «проза».

бирали с собой минимум того, что имели, что можно было унести в руках. Оставляли дома в сельской местности, дома, квартиры и дворцы в городах. Их тут же заселяли те, кто никакого отношения к ним не имел: жители из-за черты оседлости, мелкие ремесленники и просто ловкачи.

К тем, кто должны были уехать, но по каким-то причинам остались, принимались вроде бы неузаконенные, но действенные меры: на руководящие должности и государственную службу их не брали и ответственными работниками не назначали. В исключительных случаях, учитывая профессиональные и организаторские качества, отдельные из них удостоивались второстепенных должностей и званий. Их делали заместителями какого-нибудь руководителя — идеологически «правильного матроса». А вот юных граждан — выходцев из дворянской среды в институты и университеты не принимали. При том, что вся великая русская литература, великая русская музыка и почти вся великая русская живопись созданы дворянами.

Александр Зиновьев родился 29 октября 1922 года в деревне Пахтино, Чухломского уезда, Костромской губернии и рос в крестьянской семье. Ничто не предвещало, что он, когда вырастет, станет одним из самых образованных людей эпохи, философом и писателем с мировым именем. Казалось бы, счастливчик. Но его жизнь, его деятельность показывают нам, сколь сложным бывает путь человека, который поставил себе задачу жить по правде. Это видно из его почти сорока книг, многие из которых написаны в вынужденной эмиграции. Самая известная из них — роман «Зияющие высоты», впервые изданный в Швейцарии в 1976 году и переведённый на более чем двадцать языков планеты. Роман большого объёма, философско-социологический, совмещает в себе фантастику, сатиру и фарс и показывает нам общество реального, на взгляд автора, социализма. Читать его одно удовольствие — столько в нём неожиданного и смехотворного — того, что нам, жившим в СССР, хорошо известно.

Несколько строк из него:

«— Представьте себе, — сказал член. — Меня обвиняют, что я своими сочинениями наношу вред нашему обществу. Позвольте спросить, а кто устанавливает, нанесён ущерб или нет, в какой форме, в каком количестве? А писать правду — тоже наносить ущерб?»

Ёмкий роман, созданный мыслителем и талантливym прозаиком. В СССР «Зияющие высоты» впервые был издан лишь полтора десятка лет спустя, в 1991 году.

А тогда, после выхода романа А. Зиновьев был тут же уволен из Института философии АН СССР, исключён из КПСС, лишён всех званий и наград (в том числе военных). В 1978 году после публикации своей следующей книги «Светлое будущее» его вместе с семьёй выслали из страны и лишили советского гражданства.

О «Зияющих высотах» сказано и написано немало. Мы сегодня коснёмся другого романа Александра Зиновьева — «Исповедь отщепенца». На наш взгляд, книги не менее художественной, к тому же автобиографичной.

Для краткости изложения отдельные эпизоды из неё будут передаваться не в прямой, а в повествовательной манере, с сохранением того главного, что было выражено самим автором.

* * *

В одной из первых глав А. Зиновьев пишет: «Если у меня и были какие-то возможности вылезти на сцену истории в более или менее заметной роли, я их упустил преднамеренно. Я с детства ощущал в себе что-то такое (не нахожу этому названия), что смещало мои оценки явлений жизни и мои интересы в сторону от общепринятых норм на этот счёт. В юношеские годы это самоощущение я выразил в формуле “Я сам себе Сталин”. Перед демобилизацией из армии я имел беседу с генералом Красовским, ставшим впоследствии маршалом авиации. Он уговаривал меня остаться в армии, хотя в то время увольнялись многие тысячи гораздо более заслуженных и ценных лётчиков, чем я. Уговаривал, потому что я был единственным, подавшим рапорт с просьбой демобилизовать меня, тогда как прочие лётчики хотели остаться в армии. Он сулил мне в будущем чин полковника и даже генерала. Я сказал ему, что мне этого мало. Он спросил удивлённо, чего же я хочу. Я ответил, что хочу выиграть свою собственную историческую битву. Не знаю, понял он смысл моих слов или нет, но приказ о моей демобилизации подписал тут же.

Позднее я выразил это моё самоощущение формулой “Я сам себе государство...” Моё внутреннее государство было не плодом большого воображения, не проявлением эгоизма и эгоцентризма. Оно было явлением социальным, а не психологическим. Оно было формой отказа от борьбы за социальный успех. На этом пути меня не мог удовлетворить никакой высокий пост, включая президентов, генеральных секретарей и королей, не могло удовлетворить никакое богатство, никакая слава.

Не знаю, как у других народов, но среди русских такой тип людей, которые фактически ведут себя по формуле “Я сам себе государство”, встречается довольно часто».

Кто-то из читателей подумает, что подобное может сказать о себе экзальтированный, самозабвенный человек, для которого внутреннее состояние, внутренний мир и устои важнее всего на свете. И будет прав. Никакая карьера, никакая «жизнь на виду» не увлекают его, не становятся для него вождельными, чтобы отказать от строительства своего суверенного бытия. Обществу, в особенности его официальной части это не по нутру, это идёт вразрез с теми идеологическими и политическими установками, которые навязывают народу и каждому из нас партийно-правительственные деятели. Не все могут принять такой подход, а те, кто не принимают, становятся несогласными или диссидентами.

В главе «Социальный отщепенец» А. Зиновьев поясняет: «В Советском Союзе то положение, в котором я оказался в результате следования своим жизненным принципам, называют словом “отщепенец”. Так называют лиц, которые по тем или иным причинам вступают в конфликт со своим коллективом и даже с обществом в целом, противопоставляют себя им и оказываются исключёнными из них. Социальный отщепенец является одиночкой, бунтующим против своего социального окружения. За это он наказывается либо уничтожением в качестве гражданской личности, либо подвергается остракизму. Отщепенцами люди становятся отчасти помимо своей воли — общество само выталкивает их на эту роль... Я рос и созревал духовно вместе с превращением коммунистического социального строя в моей стране в зрелый социальный организм. В этом процессе возник, рос и выросел мой конфликт с моим обществом, мой личный бунт в нём и против него, который привёл к тому, что я был выброшен из моей страны и отторгнут от моего народа. В моей исповеди я хочу объяснить, в чём именно состоял мой бунт, как он протекал и чем кончился».

Далее А. Зиновьев рассказывает о деревушке Пахтино, в которой он родился. И о том, как он был поражён, когда приехал туда в 1946 году и увидел, что от неё почти ничего не осталось. На месте деревни — развалины домов, как будто именно тут была война...

В самолёте из Мюнхена в Нью-Йорк он думает: «Прекрасный самолёт. Прекрасное обслуживание. Вино. Фильм. Музыка. Еда такая, какая тебе не снилась в молодые годы. И такой порции тебе тогда хватило бы на неделю. Несколько часов — и ты на другом континенте. Поразись этому чуду прогресса! Европейец может

слетать в Америку, прочитать лекцию и получить за это какие-то деньги...

— Пусть так. Но у всего этого есть и обратная сторона. А почему я не могу заработать на жизнь там, где живу, и должен тащиться за тридевять земель, где не живу и жить не хочу?

— Но не будешь же ты отрицать технический прогресс. Возьми те же компьютеры...

— Мир не стал от них умнее. Прошлый век был умнее нашего, а будущий будет ещё глупее. Ребёнок, умеющий обращаться с компьютером, но не знающий таблицу умножения, есть признак деградации... Мы превращаемся в умную машину, состоящую из глупцов и служащую ещё более глупым ловкачам».

Прав Александр Александрович. Знаю это по себе. Точнее, по взаимоотношениям с дочерью моего старого приятеля четырнадцатилетней Ритой. Как-то в разговоре с нею она меня попросила по эсэмэске отправить текст поздравления её учительнице с Новым годом. Я сказал, что не умею этого делать. Она скуксилась и упрекнула меня в том, что я прожил свою жизнь напрасно. Но когда стали говорить о романе «Герой нашего времени», выяснилось, что она даже не слышала такого названия. Я спросил, а кто такой Лермонтов? На что она, пожала плечиком и, слегка смутившись, ответила: — «Не помню. Наверно, Герой Советского Союза?».

Возвращаясь к деревушке Пахтино, А. Зиновьев пишет: «Наша Костромская область считалась самой глухой в России. Наш Чухломской район считался самым глухим в области. А наша деревушка Пахтино считалась самой глухой в районе... Такие деревушки назывались «медвежьими углами». Отмечу ещё одну черту нашего «медвежьего угла»: это высокий уровень нравственности. Причём этот уровень был следствием недоразвитости, а не прогресса. Все те блага, которые люди имели, добывались не путём обмана и эксплуатации других людей, а благодаря усердию и личным способностям. В наших краях вообще не было воров. Моральная деградация началась лишь в советское время».

С большим уважением, но без похвальбы, он рассказывает о своих родных. Революцию они, как большинство граждан России, встретили спокойно. Почти все, особенно молодые, приняли советскую власть как законную. Прекрасно учились, работали, выходили замуж и женились. Во время войны верно служили Отечеству и стойко держались в блокадном Ленинграде. И погибали.

«Никто из наших родственников не скомпрометировал себя недостойным поведением во все трудные и сложные годы после-

революционной русской истории. Я был первым и единственным из всех, кто имел шансы быть уличённым в качестве “врага народа”, да и то по причинам иного рода».

* * *

Дедушка и бабушка — родители отца Александра Яковлевича Зиновьева — много читали и пересказывали внукам прочитанное. Бабушка тяжело болела, из-за этого стала матерью только одного ребёнка — будущего отца Александра Зиновьева. Дед к женитьбе сына построил дом, который «по размерам и удобствам стал лучшим в округе. В горнице висела картина царя Александра Второго. И никто и никогда не сделал по этому поводу ни одного замечания, хотя в доме часто бывали начальники из Чухломы и даже из Костромы. Вся земля, на которой находился дом, сад, огород, гумно, сараи и другие постройки, принадлежали общине. Но община не была собственницей земли. Она не могла продать её. После революции это отношение к земле сохранилось. «Передача земли в “вечную собственность” колхозам при Сталине была лживой пропагандой по форме и новым закрепощением крестьян по существу».

А. Зиновьев критически относился к созданию колхозов, разделяя протестные заявления миллионов тружеников села, которые с ненавистью встретили принудительную коллективизацию. В особенности тех, кто своим трудом добились успехов в сельском хозяйстве, стали богатыми людьми и даже «кулаками». Для раскулачивания и организации коллективных хозяйств из городов на село были направлены тысячи бригад, которые не церемонились с крестьянами, отнимали имущество и скот, если видели, что живут они в полном достатке, и дома их полны добра. К тому же самых богатых власти ссылали в дальние края, на восток, чтобы они не смущали бедняков и не понуждали их к бунту. Дело дошло до того, что в январе 1930 года И. Сталин в статье «Головокружение от успехов» в центральной советской газете «Правда» осудил методы ярых «коллективизаторов» и призвал гнать их из партии. Но, как говорится, процесс пошёл, и колхозы были созданы. Этому был рад Гитлер, фашистские войска которого на оккупированных территориях частью резали для себя, а большей частью увозили в Германию целые колхозные стада, табуны и отары. В руки немцев попали 7 млн лошадей, 17 млн коров, 20 млн свиней, 27 млн коз и овец. И это в то время, когда нужно было кормить наши сра-

жавшиеся на фронтах миллионы солдат и офицеров, а население в тылу голодало...

Отец Зиновьева, Александр Яковлевич, окончил трёхлетнюю школу и уже с двенадцати лет пошёл по стопам деда. Тот стал брать его в Москву и приучать к ремеслу. Александр Яковлевич был участником Первой мировой и Гражданской войн. Получил многие ранения. Но никогда об этом не рассказывал. А работал, не считаясь со временем. И мастер был первоклассный. У него было две страсти: изготовление трафаретов — приспособлений для переноса на окна, стены, мебель разнообразных символов и рисунков, и чтение. Работал он до последнего дня жизни. По дороге с работы домой, потерял сознание и на другой день умер в возрасте семидесяти шести лет.

Но главой семьи Зиновьевых была мать Аполлиария Васильевна, урождённая Смирнова. «Мне не раз приходилось читать, будто русское общество держалось на женщинах, — пишет Зиновьев. — В применении к нашим краям это мнение более чем верно: женщины выполняли самую тяжёлую и грязную работу. На них держался дом. На них держалась семья. Роль женщины в обществе наложила свою печать на национальный русский характер. Русская нация складывалась как нация женственная. Начала было складываться. Революция оборвала этот процесс.

Аполлиария Васильевна родила одиннадцать детей. Двое умерли маленькими в годы войны и голода. Старший сын умер в пятьдесят шесть лет. В момент написания “Исповеди” в живых оставались семеро. Все они произвели на свет лишь пятнадцать детей. А внуки и того меньше.

Обе мои сестры были простыми работницами, одна — в колхозе, другая — в городе.

Младший брат Николай двенадцатилетним переехал в Москву. Учился в школе. Вначале войны стал работать на заводе. За получасовое опоздание был осуждён на пять лет заключения и направлен на фронт в штрафную роту. Не единожды ранен. Отличился в боях. Награждён многими орденами и медалями. Реабилитирован. После войны окончил вечерний техникум. Стал специалистом по тонким приборам. Брат Василий окончил офицерскую школу и юридический институт. Служил в Сибири, в Средней Азии, на Дальнем Востоке. Стал полковником, военным юристом. В 1976 году назначен на генеральскую должность в Москве. Но в это время на Западе появилась моя книга “Зияющие высоты”.

От Василия потребовали, чтобы он публично осудил меня. Он отказался. Заявил, что он гордится мною. Его немедленно уволили из армии и выслали из Москвы. Но он никогда не упрекал меня за то, что пострадал из-за меня. Он был членом партии, как и другие братья, прекрасным специалистом.

Братья Алексей и Владимир учились в деревенской школе, служили в армии, трудились рабочими, заочно учились в техникумах и институтах, оба стали инженерами... Нас от самого рождения приучали к тому, чтобы мы выглядели хорошими людьми в глазах окружающих».

В семье Зиновьевых дети рано включались в трудовую жизнь. В них вселяли чувство ответственности за судьбу ближних и чувство принадлежности к единому коллективу. «Я думаю, — пишет Зиновьев, в нашей семье никто не попал в волну сталинских репрессий (случай с братом Николаем и со мной совсем иного рода) в значительной мере благодаря тому, что никто из нас не был карьеристом и стяжателем, зато все были хорошими работниками, какие тогда требовались стране, и всячески поощряемы».

В этих словах отчётливо ясна ответственность каждого члена семьи перед страной, перед самым большим коллективом, в котором нужно жить и которому нужно постоянно помогать для укрепления его могущества. Детям в семье запрещалось употребление бранных слов и скабрёзностей. А. Зиновьев говорил, что не помнит ни одного случая, чтобы дедушка, бабушка и родители ругались матом. Считалось, что чистота речи является выражением чистой души.

Александр очень рано стал заниматься самовоспитанием. Однажды они, ещё школьниками, забрались в помещение, где хранилась колхозная сметана и сливки, и съели почти все запасы, предназначенные для сдачи государству. Их разоблачили. Родителей оштрафовали, а ребятам устроили коллективную порку. Александра порол вожжами сам председатель колхоза. Порол с душой. Но Александр решил выдержать во что бы то ни стало, не просить пощады и не выдавать настоящего зачинщика. И вытерпел. Из этого он извлёк урок: боль ощущается не так остро, если имеешь твёрдое решение выстоять.

* * *

Особые, хотя и довольно мирные отношения в стране складывались у людей верующих и неверующих. Ошеломляюще резко поднял голову атеизм. Но, как пишет А. Зиновьев: «Верующие

терпимо относились к проповеди атеизма. Неверующие столь же терпимо относились к верующим. Мои дедушка, бабушка и мать были религиозными. Отец стал атеистом ещё в молодости. Бабушка по матери была верующей, а дедушка нет...

Население района было верующим, но без фанатизма. В семье нам прививали религиозные убеждения не столько в смысле мировоззрения, сколько в смысле моральных принципов. Даже бабушка не верила в то, что Бог сделал Адама из глины, а Еву из ребра Адама. Бог выступал в роли высшего судьи человека, причём всевидящего и справедливого. Бабушка и мать и не думали конкурировать с просветительской и идеологической деятельностью властей и школы. Они имели достаточно здравого смысла, чтобы понимать невыгодность для детей противиться атеистическому духу эпохи.

Постепенно и дети начинали верить в то, что Бога нет. Неверие набирало силу. В четвёртом классе, где учился А. Зиновьев, устроили гигиенический осмотр. «На мне был нательный крест, я снял его и спрятал. И понял, что стал атеистом. Узнав об этом, мать сказала: “Существует Бог или нет — для верующего человека этот вопрос не столь уж важен. Можно быть верующим без церкви и попов. Настоящая вера начинается с того, что ты начинаешь думать и совершать поступки так, как будто Он существует. Тот, кто читает все твои мысли и видит все твои поступки, кто знает подлинную цену им. Абсолютный свидетель твоей жизни и высший судья всего связанного с тобою должен быть в тебе самом. И Он в тебе есть, я вижу это. Верь в Него, молись Ему, благодари Его за каждый миг жизни, проси Его дать тебе силы преодолевать трудности. Старайся быть в Его глазах достойным человеком”.

Я усвоил наставления матери и всю жизнь прожил так, как будто Бог существует на самом деле. Я стал верующим безбожником. Я выжил в значительной мере благодаря тому, что неуклонно следовал принципам, которые внушала мать. Я совместил в себе веру и неверие, сделав из себя верующего безбожника».

* * *

В 1933 году Александр окончил начальную школу. Матери хотелось, чтобы кто-то из сыновей остался в деревне и стал для неё опорой. Вот если бы он выучился на ветеринара или агронома, это была бы такая поддержка семье. Но школьный учитель настоял на том, чтобы его направить в Москву и уверял мать, что сын будет новым Ломоносовым. И местный священник говорил о том же.

Скрепя сердце, мать согласилась. Она знала, что ожидало сына там. И проводила его до околицы, промолвив только одно слово: «Иди!»

В Москве на Казанском вокзале встретил его старший брат Михаил. Они подошли к приземистому дому, где Михаил жил с отцом. Над воротами вделана плита с именем бывшего владельца дома, их двоюродного деда Бахвалова. Вошли во двор и спустились в подвал. На кухню высыпали все жильцы подвала поглядеть на новое пополнение. Представив Александра жильцам квартиры, брат ввёл его в маленькую комнату, узкую и весьма неприглядную. Дал ему кусок хлеба с колбасой и стакан чая. И ушёл на работу.

Напившись чая, Александр вышел во двор — тут его окружили ребята. Смеялись над тем, как он одет. Один парень по виду старше года на два и на голову выше, толкнул его. Александр ударил его в нос и разбил до крови. Парень заплакал и убежал жаловаться. Александр сразу же завоевал уважение — этого парня во дворе не любили.

Александр быстро освоился с новой жизнью, и отец передал в его ведение хозяйственные дела. Устроить его в школу рядом с домом не удалось: все они были переполнены. Его приняли в школу далеко от дома, но лучшую в их районе. Сначала братья не хотели, так как он из деревни. А когда всё-таки взяли, выяснилось, что он подготовлен лучше, чем большинство учеников пятого класса. В нём появилась уверенность, что и тут он будет учиться хорошо. Это уменьшило тоску по деревне. Его всепоглощающей целью было хорошо учиться, несмотря ни на что. Будоражила душу потребность куда-то идти и проявить себя для окружающих.

Его первый день в Москве начался с драки. Это было только начало. Тогда ещё встречались беспризорники. Дети образовывали дворовые банды, они враждовали друг с другом. Существовала такая и во дворе, где он жил. И его пытались вовлечь. Он фактически был безнадзорным, и ребятам казалось, что он предназначен быть с ними. Остаться независимым одиночкой было не так-то просто. Ему пришлось передрасться со всеми ребятами из дворовой банды, чтобы доказать своё независимое положение. Дрался он с остервенением, и его стали побаиваться даже более сильные ребята. Стремление к завоеванию индивидуальной независимости стало одним из качеств его характера, а со временем одним из признаков его жизненной системы. И он добивался успеха, не считаясь с потерями.

В том же году он попал в гости к однокласснице Наташе из интеллигентной семьи. Её отец был крупным авиационным инжене-

ром, а мать — актрисой, из дворянской среды. И он, деревенский Ванька, повёл себя так, что мать этой девочки назвала его «переодетым принцем». И он стал смотреть на все человеческие слабости свысока, с позиции «переодетого принца». Такая позиция оказалась эффективной в преодолении всех тех неприятностей, с которыми ему предстояло иметь дело в дальнейшем.

«В первые годы жизни в Москве я прочитал повесть Лавренёва “Сорок первый”. По ней уже в послевоенные годы мой друг Григорий Чухрай поставил замечательный фильм. В этой повести красные партизаны взяли в плен белого офицера. Им пришлось идти через пустыню. Партизаны выбились из сил, а белый офицер шёл, как ни в чём не бывало (так казалось партизанам). Командир партизан спросил, чем объясняется такое его поведение. Офицер ответил: преимуществом культуры.

Прочитав рассказ ещё мальчиком, я решил идти по пустыне жизни так, как этот офицер, не показывая вида, что ему плохо, и сохраняя достоинство при всех обстоятельствах».

* * *

С чувством глубокого уважения и даже почтения А. Зиновьев относится к своей московской школе и её педагогам. Кроме уроков, в ней действовали кружки — театральный, рисования, музыкальный. Поначалу он выбрал театральный. В одной из пьес ему дали роль без слов, к тому же убитого. Но вот незадача — он, мёртвый, вдруг громко чихнул — то-то было смеху. С музыкой тоже не сложилось, — не хватило данных, и пошёл он в кружок рисования. Были в школе и спортивные секции — гимнастики, лёгкой атлетики, лыжная. И хотя он прекрасно бегал легкоатлетические дистанции и на лыжах, заниматься спортом не стал, так как не любил участвовать в соревнованиях.

«В 1933 году, — рассказывает он, — существовала педология, разгромленная вскоре как “буржуазная псевдонаука”. Педологи изучали наши способности и предсказывали наше будущее. Одним из тестов было продевание ниток через дырочки в палках. Я это делал очень быстро, и меня зачислили в рабочие, причём в текстильщики. Большинство других учеников класса педологи зачислили в категорию инженерно-технических работников. Некоторое время все они смотрели на меня свысока. Но вот педологию ликвидировали, их выводы о нас объявили ложными и даже враждебными. Будущие инженерно-технические работники приуныли. Я их успокаивал, обещал стать рабочим-текстильщиком».

В школе, — отмечает Зиновьев, — хорошо преподавали математику и литературу. С первого года учёбы он стал первым учеником в классе по математике. И успешно принимал участие в математических олимпиадах. Но не отдавал предпочтения математике перед другими увлечениями, и потому не был любимым учеником математички. Впоследствии он убедился в том, что для успеха в какой-то сфере человеческой деятельности мало иметь способности, ещё нужно иметь тех, кто способен тебя поддержать и отстаивать признание твоих способностей.

Другим его увлечением была литература. Наряду с математикой она считалась в школе основным предметом. Помимо произведений, положенных по программе, учителя заставляли учеников читать массу дополнительных книг. В классе было своеобразное соревнование, кто больше прочтает, кто оригинальнее ответит на уроке или напишет сочинение. И опять повторилась ситуация, подобная математике. Он получал отличные отметки. Сами ученики признавали в нём лучшего в классе знатока литературы. Но учителя почему-то избегали признавать это вслух. «В качестве лучшего ученика по литературе, — вспоминает Зиновьев, — официально признавался парень, который усердно и хорошо учился, но никакими особыми способностями не обладал. Зато подходил по другим критериям на роль образцово-показательного ученика. Впоследствии он оказался в числе тех, кто писал на меня донос в органы государственной безопасности. Его звали Проре. Имя было образовано, как сокращённое для слов “пролетарская революция”. В двадцатые-тридцатые годы изобретено множество имён такого рода, например, Владилен (от Владимир Ленин), Марлен (от Маркс и Ленин), Сталинир (от Сталин и революция)». Добавлю от себя (И. С.), что встречал имена Октябрина, Тракторина и даже Идея — так звали жену вице-адмирала, начальника ВВМУ им. Фрунзе В.А. Хренова.

Зиновьев уже тогда замечал, что у людей вызывали раздражение его успехи. Они реагировали так, как будто он претендовал на то, что ему не положено. В самом деле, какой-то деревенский “Ванька”, живущий впроголодь в сыром подвале, причём без нормальной семьи, тощий и плохо одетый, — и вдруг позволяет себе без особых усилий проявлять лучшие способности, чем дети из благополучных, интеллигентных и уважаемых семей!..

Короче говоря, готовность общества отторгнуть его от себя как нечто не отвечающее его требованиям он ощущал уже в школьные годы. Быть отверженным, быть изгоем — вот его участь уже в самом начале пути.

Но бытие являло себя не только во дворе и в школе. В 1936 году А. Зиновьев стал посещать архитектурный кружок Дома пионеров, который играл огромную роль в жизни детей. Руководителем кружка был М.Г. Бархин. С ним кружковцы объездили все архитектурно интересные места Подмоскovie. В том же году газета «Пионерская правда» напечатала его первую статью, написанную совместно с соучеником Р. Розенфельдом, который со временем станет известным археологом. Кружковцы основательно изучали план реконструкции Москвы, одобренный (как говорили) Сталиным, и его осуществление в реальности.

«Мне было жаль старую Москву, на моих глазах сносившуюся с лица земли. Люди, разрушившие старую Москву, думали, что они это сделали в интересах бытовых удобств и транспорта. Теперь это считают преступлением».

Похоже, именно с середины тридцатых годов в юном Зиновьеве зарождается критическое мышление. Это состояние будет углубляться и крепнуть с годами, с изменением условий жизни автора и жизни страны.

«Тридцатые годы, — пишет он, — были самыми мрачными и, одновременно, самыми светлыми в советской истории. Самыми мрачными в смысле тяжёлых условий жизни масс населения, массовых репрессий и надзора. Самыми светлыми по иллюзиям и надеждам. Мы получили широкое общее образование, включавшее знакомство с мировой историей и достижениями мировой культуры. Нас воспитывали в духе гуманизма и идей лучших представителей рода человеческого в прошлом. Нам старались привить высокие нравственные принципы. Что из этого вышло на деле — другой вопрос. Реальность оказалась сильнее прекраснодушных пожеланий и обещаний. И из смешения благих намерений и их воплощения в жизнь родились чудовища и уроды, герои и страдалцы, палачи и жертвы».

* * *

В 1936 году в Москву приехала сестра Анна с братом Николаем. У старшего брата уже было двое детей. В крошечной комнатухе стали жить восемь человек. А. Зиновьев готовил уроки в библиотеках-читальнях. Это было удобно. Под рукой всегда книги для чтения. Он читал сочинения великих французских просветителей — Вольтера, Дидро, Руссо, а также книги социалистов-утопистов — Кампанеллы, Т. Мора, Сен-Симона... Учителя в школе относились к подобному самообразованию отрицательно. Они

считали, что подростку ещё рано читать такие книги. Он предложил им проэкзаменовать его — они отказались, так как сами эти книги не читали. Его любимыми писателями были Лермонтов, Грибоедов, Лесков, Чехов. Огромным открытием для него стало «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Радищева. Он был потрясён этой книгой и решил сочинить своё «Путешествие из Чуломы в Москву». Но по каким-то причинам его замысел остался нереализованным. Изучал он и ценил советскую литературу. Он считал, что она высокого качества. Особенно любил Шолохова, Фадеева, Лавренёва, А. Толстого, Булгакова, Паустовского. А Маяковского и Шолохова считал величайшими поэтом и прозаиком.

В 1937 А. Зиновьев вступил в комсомол. Для него в этом заключался особый смысл: он хотел стать настоящим коммунистом. Настоящими или идейными коммунистами были те, о ком он читал в книгах советских писателей: Глеб Чумалов в «Цементе» Гладкова, Павел Корчагин в «Как закалялась сталь» Островского и других, каких он видел в советских фильмах. Это люди, лишённые карьеристских устремлений, честные, скромные, делающие всё на благо народа. Благодаря именно таким людям, коммунистам-идеалистам, новый строй устоял и выжил в труднейших исторических условиях. Таким был его дядя Михаил Маев. Во время Гражданской войны он — комиссар дивизии. После войны — на партийной работе. До последнего дня жизни носил поношенную шинель, отказывался от всяких привилегий. Таким был Мирон Сорокин, отец Ольги — жены А. Зиновьева, о котором можно было бы написать книгу, как об идейном коммунисте.

«В 1935 году, — пишет А. Зиновьев, — вышла книга А.С. Макаренко “Педагогическая поэма”, сыгравшая в воспитании моего поколения колоссальную роль. Я под влиянием этой книги стал развивать свои идеи насчёт отношения индивида и коллектива. Моим идеалом становилось такое общество: всё принадлежит всем, отдельный человек имеет самый необходимый минимум. Но никаких различий в материальном вознаграждении, никаких привилегий.

Не думаю, что я был оригинален с такими идеалами, — об этом мечтали многие. Моя особенность заключалась в том, что, наблюдая советскую реальность, я увидел, как коммунист-идеалист терпит поражение в борьбе с коммунистом-реалистом, и пришёл к выводу, что именно коммунистический социальный строй исключает возможность создания идеального коммунизма, что именно изобилие и рост благополучия людей в условиях коммунизма ве-

дут к крушению идеалов коммунизма, что попытки претворения в жизнь этих идеалов ведут к самым мрачным последствиям. Эмоционально и интуитивно я это почувствовал очень скоро. Рационально же понял это много лет спустя, уже после войны».

* * *

Самые же первые свои литературные опыты А. Зиновьев не помнил. В двенадцать лет уже в Москве он сочинил жалостливый рассказ о мальчике, которого привезли из деревни учиться в Москву. Он использовал свой жизненный опыт. Рассказ он написал под влиянием рассказа А.П. Чехова «Ванька Жуков». В отличие от Чехова, конец рассказа он сделал оптимистичным: школа, учителя, комсомольцы и пионеры помогли его герою преодолеть трудности. Рассказ он отдал учительнице русского языка и литературы. Она его похвалила. После хотели даже поместить в школьной газете, но кто-то нашёл в нём крамолу. Очевидно, в литературе, как и в рисовании, он был прирождённым сатириком, но не знал этого.

«Я инстинктивно, а потом сознательно стремился всегда лишь к истине и к ясности. Анализируя один из рассказов Чехова о человеческой подлости, я в нём сделал вывод об общечеловеческом характере негативных качеств человека. “Помни, — написал я в конце сочинения, что пакость, которую ты можешь сделать другим, другие могут сделать тебе самому”. Моё сочинение стало предметом обсуждения на комсомольском собрании. Меня осудили за непонимание того, что правило, которое я сформулировал в конце сочинения, имеет силу для буржуазного общества и что в нашем социалистическом обществе действует закон взаимопомощи и дружбы.

Я с большой охотой делал работу, исполнение которой целиком зависело от меня одного. Я рекомендовал комитету комсомола школы выпускать сатирическую стенную газету. И предложил название “На перо!”. Предложение моё одобрили. Меня назначили редактором газеты. Фактически я делал её один И выпускал её до окончания школы. Помимо рисунков и подписей к ним, я сочинял сатирические стихи и фельетоны.

В армии я выпускал “боевой листок” (т. е. своеобразные стенные газеты), иногда по несколько штук за один день. Но запомнил я из сотен карикатур, реплик, стихов и фельетонов ничтожно мало. Точно так же обстоит дело с тем, что я делал для стенных газет философского факультета Московского университета и Института философии АН СССР».

В 1939 году А. Зиновьев окончил среднюю школу с «золотым» аттестатом (золотые медали выпускникам-отличникам стали вручать с 1946 г.). В стране началась активная подготовка к войне с Германией. Наиболее разумные ребята заранее подали заявления в военные учебные заведения. Зиновьеву не было ещё семнадцати лет, а его прошлая жизнь, наполненная различными видами занятий, предлагала ему широкий выбор интереснейших профессий. Он мог поступить на механико-математический факультет, где его знали как участника математических олимпиад. Мог поступить в архитектурный институт, имея характеристику и рекомендации от Союза архитекторов как член архитектурного кружка и как призёр юношеского конкурса, организованного Союзом архитекторов. Но он выбрал философский факультет МИФЛИ (Московского института философии, литературы и истории). Этот выбор был определён тем, что к этому времени он уже ощущал сильнейшую потребность понять, что из себя представляет советское общество.

«Поступив в МИФЛИ, — пишет он, — я, естественно, должен был считаться с тем, что мне со временем придётся вступать в партию. Но я уже начал вырабатывать своё понимание партии и уже начал тяготиться тем, что был комсомольцем. У меня на самом деле не было намерения открыто выражать свои убеждения. Я понимал, что ничего, кроме неприятностей для себя, я этим не добился бы. Путь будущего революционера в рамках нового общества, путь борца против несправедливостей этого общества я для себя уже выбрал...

Я разочаровался в коммунистических идеалах... В состоянии отчаяния я ухватился за спасительную, как мне казалось, идею индивидуального террора. Намерение совершить покушение на Сталина овладело моими мыслями и чувствами. Возможности для этого у меня были ничтожные. Идеями индивидуального террора я интересовался и ранее. Я восторгался мужеством Халтурина, Желябова, Перовской, Каракозова и других народовольцев... Что касается Ленина, то я его никогда не отделял от Сталина и никогда не питал к нему возвышенных чувств. Я считал и до сих пор считаю его великим историческим деятелем, может быть, самым крупным в XX веке. Но не более того».

В начале октября было открытое партийно-комсомольское собрание курса. Почему-то речь зашла о положении в колхозах. Студенты из группы, где он учился, знали, что его мать — колхозница и что он сам каждое лето работает в колхозе. Они знали

о его умонастроениях и спровоцировали его на выступление. Он поднялся на трибуну и стал рассказывать, о том, что происходило в его колхозе имени Будённого и в соседних колхозах района. Говорил о бесхозяйственности, о том, что мужики пьянствуют, воруют и арестовываются, что на трудодни почти ничего не дают, что люди бегут из деревень при всякой возможности, что оставшиеся живут впроголодь. Его слушали в мёртвой, гнетущей тишине. В тишине он и покинул трибуну. И тут начался буквально рёв гнева и возмущения. Произошло чрезвычайное происшествие. Его выступление заклеямили как «вражескую вылазку».

«На другой день после злополучного выступления, — пишет А. Зиновьев, — я не пошёл на занятия. За мной прислали курьера с вызовом в ректорат института. Ректор Карпова поговорила со мной минут пять. После этого мне дали направление в психиатрическую больницу. В нём была просьба ректора обследовать меня. В больнице меня посмотрели в течение получаса. Врач, подписавший заключение, показал мне его. Там написали, что я психически здоров, но сильно истощён и нуждаюсь в годичном освобождении от учёбы. Я отнёс заключение врача в институт, ушёл домой, и в институте больше никогда не появлялся.

На следующий день ко мне пришли декан факультета Хосчачих, секретарь партбюро Сидоров и секретарь комсомольского бюро. Мы имели длинный и очень серьёзный разговор, во время которого я высказал многое такое, что у меня накопилось на душе. Уходя, они сказали мне, что за такое поведение я буду исключён из комсомола и из института, причём без права поступления в высшие учебные заведения вообще. После войны я узнал, что это было сделано на самом деле».

* * *

Продолжением этих событий явилась вечеринка, которую устроил бывший одноклассник Проре и на которую пригласил Зиновьева. Там все хорошо знали друг друга. И затеяли провокационные разговоры на самые злободневные темы. Александр говорил о несоответствии реальности идеалам коммунизма. Коснулись культа личности Сталина. Он заявил, что отвергает культ личности Сталина, считая его отступлением от всех идеалов коммунизма.

В том, что донос будет написан, он не сомневался. Он предвидел последствия и не уклонялся от них. Они ему казались единственным выходом из кризиса, в котором он оказался.

Донос, конечно, был написан и дал о себе знать молниеносно быстро. Через день под вечер к нему в подвал спустился молодой человек. Сказал, что хочет повидать его. Зиновьев догадался, что это за ним. Надел пальто, взял паспорт, и они пошли пешком на Лубянку. Всю дорогу молчали. При входе в здание у него отобрали паспорт и провели в кабинет № 521. Там сидел мужчина средних лет в военной форме, но почему-то без знаков различия. Предложил снять пальто и сесть — разговор предстоял долгий. На столе перед ним Александр увидел донос, написанный на листках из школьной тетради, и узнал почерк Проре, прямые, чёткие, большие буквы. И, пока беседовали, успел его прочитать. В письме говорилось, что они друзья Александра, что они обеспокоены настроениями, которые у него стали замечаться в последнее время. В частности, тем, что он себя объявил неонархистом и выступал против культуры личности Сталина. Что он всегда был хорошим комсомольцем, учеником и товарищем, и что он подпал под чьё-то влияние, и они хотят помочь ему вернуться в ряды честных строителей общества.

После первого разговора со следователем его отвели в одиночную камеру внутренней Лубянской тюрьмы. Окно в камере зарешчено и закрыто деревянным щитом. В камере была койка, тумбочка, столик, стул. Был маленький туалет, а не параша. На столике лежали несколько книг, к которым он так и не прикоснулся.

«После ряда бесед следователь сказал мне, что у меня “мозги набекрень”, что я “наш человек”, но что я “подпал под чьё-то дурное влияние”, что я буду освобождён, но некоторое время мне придётся пожить на особой квартире в обществе двух сотрудников “органов”, чтобы познакомить моих спутников со всеми моими знакомыми. Причём, я должен вести себя так, как будто они мои друзья. Мне стало ясно, что это было вовсе не освобождение, а лишь временная видимость такового с целью разыскать моих мнимых наставников и сообщников. Это напомнило мне роль невольного предателя, какую сыграл герой романа “Овод” в отношении своих товарищей. Я поклялся себе избежать этого любой ценой. Я ещё не знал, что мне удастся побег и о побеге вообще не думал. Я готов был к худшему — к пыткам, к длительному сроку заключения, к гибели... Я поклялся себе в том, что в случае, если останусь жив, пойду до конца тем путём, на который уже встал — путём создания своего собственного внутреннего мира и собственного образа человека. “Это и будет, сказал я себе, мой протест против всей мерзости бытия, мой бунт против порочной Вселенной и мрачного Бога...”»

На этом я завершаю свой обзор жизни *юного* Саши Зиновьева, что составляет, приблизительно, только четвёртую часть «Исповеди отщепенца». Его бытие, его *взрослая* жизнь и судьба настолько вплетены в жизнь и судьбу Москвы, страны, мира, что рассказывать о нём можно бесконечно. Поэтому совсем коротко.

Год после Лубянки он прожил так, как не дай Бог никому другому. Без жилья, без денег, без паспорта он скитался и голодал и выжил только благодаря тому, что, как он считал, был закалён прежней бедностью и неустроенностью. В минуту полного отчаяния он даже хотел пойти и сдать «органам», признав свою вину хотя бы в том, что совершил побег. Но спасла армия. Он сам напросился, чтобы его зачислили в призывники, так как ему вот-вот исполнится восемнадцать лет.

Рано утром 29 октября 1940 года, в день своего рождения, он явился на сборный пункт. Его одежда была в таком состоянии, что он её выбросил сразу, как только получил военное обмундирование.

«Так закончилась моя юность — самая прекрасная пора в жизни человека, — напишет он в своём романе «Исповедь отщепенца». — Если бы можно было повторить прожитое, я бы не согласился повторить годы моей юности».

Потом будет армия, будет война, и Александр Александрович станет военным лётчиком, неоднократно награждённым за героизм и мужество орденами и медалями Советской страны. Будет послевоенная учёба на философском факультете МГУ, аспирантура, защита кандидатской и докторской диссертаций. Он станет преподавателем, профессором и напишет ряд книг философской тематики. Его будут предавать и лишать Родины. Но он станет выдающимся русским писателем, произведения которого знают не только в нашей стране, но и во всём читающем мире. А ещё и, может быть, это самое главное, он полюбит чудесную девушку Олю, которая станет его женой и верным другом на всю его жизнь*.

Санкт-Петербург, 2021 г.

*1.10.2021 Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал Указ «О подготовке и проведении мероприятий, посвящённых 100-летию со дня рождения А.А. Зиновьева».